
Глава 45. Наказание У Шаоаня

Внутренняя охрана поместья семьи У стала заметно сильнее, а вести теперь разлетались мгновенно. Чжун Цай и У Шаоцянъ едва успели устроиться, как об их возвращении уже доложили главе.

Вскоре в дверях появился управляющий Хэ Чжоу.

Чжун Цай всегда питал симпатию к этому человеку — старый слуга не раз проявлял участие к Шаоцянью, когда тот лишился сил. Однако, зная о безграничной преданности Хэ Чжоу госпоже Ян, Цай пока не спешил вознаграждать его за доброту, понимая, что любая щедрость тут же станет известна матери мужа.

Поэтому Чжун Цай ограничился приветливым кивком:

— Управляющий Хэ, давно не виделись.

Старик перевёл взгляд с одного юноши на другого. Видя их, стоящих плечом к плечу, он невольно вздохнул, а мысли его наполнились горечью от последних событий в доме. Но как бы там ни было, Шаоцянъ выглядел превосходно, и это не могло не радовать Хэ Чжоу.

— Молодой господин Шаоцянъ, мастер Чжун, — мягко проговорил управляющий. — Глава семьи и госпожа узнали о вашем возвращении и просят вас немедленно явиться к ним.

Чжун Цай вопросительно взглянул на мужа. У Шаоцянъ оставался невозмутим:

— Мы с А-Цаем поспешили домой, едва прослышав о беде, но подробностей пока не знаем. Дядя Хэ, расскажите нам, что именно произошло.

Старик замялся, снова тяжело вздохнул и произнёс:

— История это долгая. Пойдёмте, я всё расскажу по пути.

Шаоцянъ кивнул и, увлекая за собой Чжун Цая, последовал за управляющим.

— Когда тайное царство закрылось, молодой господин Шаоань был одним из немногих выживших, — начал рассказ Хэ Чжоу. — Он принёс роду больше ресурсов, чем все остальные

вместе взятые, включая сокровища третьего ранга. Это во многом спасло репутацию семьи У. С тех пор Шаоань стал часто навещать маленького господина Дунсяо, всякий раз принося ему ценные дары.

Управляющий сделал паузу, подбирая слова:

— Ресурсы из того царства были исключительного качества, да и талант Дунсяо велик, к тому же семья не скупилась на поддержку. Мальчик оправдывал все ожидания: благодаря редким травам и пилюлям он совершал прорывы почти каждый месяц. Даже сложные барьеры он преодолевал всего за декаду. И вот, месяц назад, он открыл свой Дворец Дао!

Столь стремительный прогресс лишь немногим уступал достижениям самого У Шаоцяня в те годы.

Обладая высшим талантом небесного ранга, Шаоцянь начал путь в три года. В четыре с небольшим он уже открыл Дворец Дао, к девяти годам достиг шестого уровня этой сферы и отправился в странствия, а к восемнадцати годам — благополучно стал мастером Сферы Освящения.

Талант У Дунсяо был на целую ступень ниже, и по всем законам он должен был достичь Сферы Открытия Дворца на несколько лет позже. Но он отстал от рекорда гения всего на пару месяцев. Вся семья У была в неописуемом восторге! Многие даже шептались, что Дунсяо везёт больше, чем Шаоцяню в его время: тогда не было тайных царств, и ресурсы, хоть и были лучшими в клане, не шли ни в какое сравнение с сокровищами из закрытых земель.

Хэ Чжоу продолжал:

— Шаоань вкладывал в Дунсяо не меньше ресурсов, чем вся семья, и мальчик привязался к нему всей душой. Когда ребёнок совершил прорыв, он первым делом сообщил радостную весть кузену. И тот посоветовал ему немедленно укрыть Алебарду Чёрного Цзяо в своём Дворце Дао.

Старик покачал головой:

— Совет казался разумным: в утробе Дворца связь между артефактом и мастером крепнет быстрее. Если бы мальчик собрался в путь, он всегда успел бы оставить оружие под защитой семьи. Но никто не мог и представить... Шаоань подмешивал яд в каждое угощение, в каждую порцию редких трав, которыми потчевал Дунсяо. Яд был без цвета и запаха.

Чжун Цай почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. У Шаоань планомерно покупал

доверие ребёнка горами ресурсов лишь для того, чтобы потом это доверие растоптать. Это было расчетливо, подло и вызывало омерзение.

Цай невольно сжал руку мужа.

«Дядя и племянник... — подумал он. — Обоих погубила чужая зависть»

— Это был Яд Тянущихся Нитей, — тихо произнёс Хэ Чжоу. — Шаоань нашёл его в тайном царстве.

Яд Тянущихся Нитей относился к третьему рангу и действовал крайне медленно. Он одинаково незаметно подтачивал силы практиков Сфер Небесного Притяжения, Открытия Дворца и Освящения. Если принять противоядие сразу после первого контакта, заразу можно легко вывести.

Но у этого яда была коварная особенность: его почти невозможно обнаружить. При регулярном употреблении он пускал корни в плоть, меридианы, душу и, наконец, в сам Дворец Дао, становясь частью организма. Стоило жертве принять особый катализатор, как яд мгновенно пробуждался, опутывая тело невидимыми путями, из которых невозможно вырваться.

Дунсяо начали травить, когда он был лишь на третьей-четвёртой ступени Сферы Небесного Притяжения. К моменту пика этой сферы яд пропитал его насквозь. Исцеление стало невозможным.

Хэ Чжоу вновь вздохнул:

— Как только мальчик укрыл алебарду во Дворце, Шаоань принёс ему Суп Ста Кровей. Вкус его был божественен, а польза для закалки тела — неоспорима. Дунсяо так полюбил угощение, что выпил несколько пиал подряд. Спустя семь дней, во время медитации, его пронзила невыносимая боль, а через поры на коже начала сочиться кровь.

— Глава семьи, госпожа и многие прародители Сферы Подвешенного Сияния тут же поспешили на помощь, но было поздно — они обнаружили лишь ядовитые пути, перечеркнувшие будущее Дунсяо. Яд в меридианах заблокировал таинственную силу, яд в душе оборвал связь с сокровищем. А Дворец Дао оказался запечатан: если Алебарда Чёрного Цзяо продолжит поглощать энергию, она лишь ускорит разрушение Дворца и со временем сама пропитается отравой.

Чжун Цай молчал. Ситуация Дунсяо была куда плачевнее, чем та, в которой когда-то оказался Шаоцянь. Тот хотя бы сохранил мощь пика Небесного Притяжения, мальчик же лишился всего — его тело было крепче, чем у обычных людей, но он не мог использовать ни капли таинственной силы.

С другой стороны, сокровище Дунсяо всё ещё было при нём, в то время как Лук, Стреляющий в Солнце, был уничтожен. Пилюлю шестого ранга, при всём её дефиците, найти легче, чем способ восстановить утраченную сущность сопутствующего предмета. Если семья У решится на такие траты, у мальчика есть шанс.

Хотя... зная этих людей, Цай сильно сомневался, что они раскошелятся на антидот. Он не знал, кого из двоих — мужа или его племянника — считать более несчастным.

Хэ Чжоу вывел их за пределы сада Чунсяо. Чжун Цай огляделся:

— Дядя Хэ, мы ведь идём не к главному дому?

— Мы направляемся в Зал Наказаний, — коротко ответил тот и ускорил шаг, досказывая остальное.

Как и сообщал Чжун Юнь, семья У в ярости перекрыла город. Глава семьи не побоялся открыто конфликтовать с другими силами, пользуясь тем, что в Куньюне не было иных мастеров Сферы Слияния. Несколько мелких кланов, торговавших ядами, были вырезаны под корень. Тех же, кто был покрупнее, подвергли унижительным обыскам.

Только вмешательство городского главы охладило пыл У Минчжао. Именно по просьбе властей алхимики и лекари со стороны осмотрели Дунсяо. Они и подтвердили: яд подмешивал кто-то из своих. Более того, чтобы пробудить заразу в теле мастера Сферы Открытия Дворца, требовалась эссенция крови практика той же ступени. Лекарь заключил, что преступник отдал не меньше семи капель своей драгоценной крови, чтобы яд сработал ровно через семь дней. У обычного практика таких капель всего десять. Тот, кто пошёл на это, сократил свою жизнь в разы — теперь его долголетие зависело лишь от удачи.

Подозрение пало на У Шаоаня мгновенно. Помимо слуг и родителей, только он имел постоянный доступ к мальчику. Даже родной отец видел Дунсяо от силы пару раз в месяц. Когда за Шаоанем пришли, у его стража, Ся Цзяна, обнаружили нехватку эссенции крови.

Виновник даже не пытался отпираться. Старший сын главы, отец мальчика, в приступе ярости бросился на него, но Шаоань хладнокровно прикрылся своим стражем. Удар пришёлся на Ся Цзяна, который был тяжело ранен, сам же Шаоань не получил ни царапины. После этого его бросили в Зал Наказаний.

— Глава семьи и госпожа просят вас присутствовать при исполнении приговора, — закончил Хэ Чжоу.

— Приговора? — переспросил Цай.

— После допроса Шаоань во всём сознался. Глава собрал всех старейшин Сферы Подвешенного Сияния. Прародители не явились, так как пребывают в уединении. Но мнения насчёт наказания разделились.

Ветви У Шаоаня, У Шаоцяня и ещё одна относились к линии прародителя У Юаньсяо. Раз сам Юаньсяо отсутствовал, слово было за старейшинами У Цзунханем и У Цзытао. Помимо них, в совете было ещё восемь старейшин Сферы Подвешенного Сияния из других ветвей. Мнение мастеров Сферы Освящения в таких делах почти не учитывалось.

Другие ветви требовали смерти Шаоаня, чтобы искоренить саму мысль о предательстве внутри клана. Несмотря на его статус самого молодого таланта среднего земного ранга, в семье были ещё три девушки с таким же даром. Одна уже вышла замуж за представителя другого клана, две другие выбрали мужей, согласных войти в семью У. Они были старше, сильнее и куда прилежнее в учебе. Смерть Шаоаня не стала бы для рода невосполнимой потерей.

Но У Цзытао и У Цзунхань не могли прийти к согласию. Цзытао был в ярости, но в его линии только Шаоань обладал столь высоким талантом. Без него ветвь ослабнет, останется лишь У Шаошань с его низшим земным рангом. Поэтому Цзытао хотел сохранить жизнь парню. Цзунхань же опасался, что если такой человек обретёт власть, это принесёт лишь беды. В итоге он примкнул к большинству, требуя казни.

Споры длились несколько дней, и лишь сегодня было принято решение: сохранить жизнь, но наказать сотней ударов плетью, после чего бросить в Мёртвую Темницу за Залом Наказаний на сто лет. Никакого содержания, никаких ресурсов, никакого обучения. Свободу он обретёт лишь через век.

Чжун Цай мысленно покачал головой. Таких, как Шаоань, нужно казнить без раздумий — они как раковые опухоли. Сто ударов плетью? Если его не собираются убивать, значит, бить будут не в полную силу. Для него это лишь мимолетная боль. Сто лет в темнице без ресурсов? А что мешает ему практиковаться втихомолку?

У семьи явно не хватило духу запечатать его меридианы. Даже личное имущество Шаоаня не конфисковали! В Мёртвой Темнице тоже есть энергия неба и земли, и у него наверняка припрятаны сокровища для прорывов. Первое время он и вовсе не заметит лишений. Более того, в приговоре ничего не сказано о запрете на посещения — его ветвь наверняка будет

тайно снабжать его всем необходимым.

Выйдет он оттуда на пике Сферы Открытия Дворца, готовый к Сфере Освящения. Наказание превратилось в пустую формальность.

При порке должны были присутствовать все мастера Сферы Освящения. Раз Шаоцянь вернулся, ему тоже полагалось быть там. Также пригласили глав всех ветвей с супругами и других статусных практиков. Чжун Цай, как законный муж и мастер пилюль, тоже имел право войти.

Вскоре они достигли Зала Наказаний. Хэ Чжоу умолк, атмосфера стала тяжелой и гнетущей. Цай и Шаоцянь миновали массивные ворота и вошли в Зал Казней. Огромное помещение было заполнено людьми. В центре, прижатый к полу, лежал У Шаоань. Рядом с ним стоял палач — практик Сферы Открытия Дворца первой ступени. Он был лишь немногим сильнее виновного, что гарантировало: жизнь преступника не прервётся от ударов.

В зале царил мёртвая тишина. Хэ Чжоу отступил, провожая господ взглядом. Когда Цай и Шаоцянь вошли, все присутствующие обернулись к ним. Супруги вежливо поклонились собранию и заняли свободные места.

У Шаоань лежал лицом вниз, но, почуяв неладное, с усилием повернул голову. Увидев входящего Шаоцяня, он искажился в злобной гримасе. Муж заметил этот взгляд, но не удостоил кузена даже мимолетным вниманием.

Чжун Цай нахмурился. Даже в таком положении этот мерзавец не мог унять свою ненависть. Вёл себя так, будто это он только что успешно отравил Шаоцяня.

Старейшины тоже заметили эту реакцию. Поняв, о чём думает Шаоань, они недовольно поджали губы. Шаоцянь же своим спокойствием лишь сильнее раззадорил кузена: тот едва не вскочил, если бы стража не придавила его к полу.

— Все в сборе. Начинайте! — холодно бросил У Минчжао.

Ян Цзинфэй стояла подле мужа, не сводя с преступника ненавидящего взгляда. Снова! Снова её надежды превратились в прах! Тогда, с Шаоцянем, она ещё могла понять мотивы врагов — высший небесный талант слепил глаза, и она сама была готова на всё, чтобы устранить конкурента из другого клана. Но Дунсяо был всего лишь земного ранга, его прогресс был быстрым, но не вызывающим. Он мог бы спокойно вырасти в опору семьи. И его погубил свой же сородич!

Ян Цзинфэй до боли сжала кулаки, вспоминая, как радовалась преданности Шаоаня к Дунсяо. Этот подлец посмел водить её за нос! Глава семьи уже не раз упрекал её в недосмотре и даже приостановил передачу нескольких доходных лавок под её управление.

На Дунсяо она тоже злилась. Не будь он так доверчив, она бы не позволила им сблизиться. Взгляд её невольно упал на Шаоцяня. Гнев вспыхнул в её сердце с новой силой: не будь младший сын так холоден к племяннику, ей бы не пришлось надеяться на кузена из другой ветви! Теперь, когда беда случилась, Шаоцянь соизволил вернуться. Но какой в этом теперь толк?!

Свист!

Воздух рассек протяжный звук плети. Шаоаня крепко прижали к земле, и первый удар обрушился на его спину. Но, как и ожидал Чжун Цай, этот удар не нанёс серьёзного вреда. Одежда лопнула, на коже проступила лишь багровая полоса.

Второй удар, третий...

Шаоань терпел, стиснув зубы. Постепенно боль дала о себе знать: его лицо налилось кровью, а по лбу градом покатился пот. Цай скептически наблюдал за происходящим, переглянувшись с Шаоцянем. Тот лишь едва заметно кивнул.

Плеть, которой били виновного, была магическим артефактом всего лишь первого ранга. Иными словами, после такой экзекуции он помучается от боли пару дней, да залечит ссадины. Всё было предельно ясно: семья У хотела наказать преступника для вида, но после всех споров пожалела талант земного ранга. Наказание вышло пустяковым.

Когда сотня ударов закончилась, Шаоаня подняли, чтобы увести в темницу. Он был бледен, губы дрожали, но сознание не потерял. Проходя мимо Шаоцяня, он снова вперил в него полный яда и злобы взгляд.

Чжун Цай лишь мысленно вздохнул.

Старейшины начали расходиться. У Минчжао окликнул сына и его мужа. Цай остановился. У Шаоцянь обернулся и спокойно произнёс:

— Отец. — Затем, взглянув на красавицу подле него, добавил: — Мать.

Ян Цзинфэй лишь едва заметно кивнула, не проронив ни слова. Глава же спросил:

— Вести уже достигли города Цяньцяо?

У Шаоцянь на мгновение замолчал, взглянув на Цая. Тот взял инициативу на себя:

— До городка слухи ещё не дошли. Но Шаоцянь живет в уединении и мало знает о делах клана, поэтому я попросил своих родителей: если в семье У случится беда, пусть немедленно пришлют весть.

Это было их заранее заготовленное оправдание. Приезд Чжун Юня скрыть не удалось бы, так что лучше было выставить всё как заботу любящего супруга.

— Это была идея А-Цая, — подтвердил Шаоцянь.

У Минчжао заметно расслабился. Значит, блокада новостей работает, и позор не разлетелся слишком быстро. Нужно будет приложить ещё больше усилий, чтобы замять это дело.

Главе особо нечего было сказать сыну, он лишь спросил:

— Надолго ли вы в этот раз?

— Мы лишь навестить родных, — ответил Шаоцянь. — Мы с А-Цаем привыкли к Цяньцяо и скоро вернёмся.

Отец не стал возражать:

— Когда уедете, не болтайте лишнего о делах дома.

— Разумеется, — согласился Шаоцянь.

Минчжао сухо кивнул и отпустил их. Обернувшись к жене и видя её мрачное лицо, он нахмурился:

— Госпожа, к чему эта мина?

— Считаю, я зря рожала этого сына! — холодно бросила Ян Цзинфэй.

Муж, проживший с ней десятилетия, сразу понял её подтекст. Честно говоря, он и сам думал так же: если бы младший сын присматривал за Дунсяо, беды бы не случилось. Шаоцянь куда проницательнее мальчика, он бы сразу заметил неладное в поведении Шаоаня.

У Минчжао вздохнул:

— Сейчас среди наших потомков, не считая Шаошаня, лучший талант — лишь на пике таинственного ранга. Шаоцянь — всё, что у нас осталось, не стоит быть с ним столь суровой.

Ян Цзинфэй сделала несколько глубоких вдохов.

— Просто накипело, — процедила она.

— Держи себя в руках, — подытожил глава.

— Хорошо.

Чжун Цай и У Шаоцянь покинули Зал Наказаний. Хэ Чжоу уже ушёл, но Сян Линь тенью следовал за ними, скрываясь в складках пространства. Стоило им выйти на открытое место, как страж материализовался рядом.

Цай шел к их дворику, негромко переговариваясь с мужем:

— Теперь всё ясно. Перед «этими двумя» мы отметились, когда двинем обратно?

— Если хочешь, можем уехать завтра, — отозвался Шаоцянь.

Цай замялся:

— Я вот думаю, не стоит ли навестить моего «папашу» и мачеху?

— Лишние хлопоты, — рассудил Шаоцянь. — Если нет острого желания, лучше ограничиться письмами.

Цай согласился. Он думал об этом лишь из приличия, но в такой атмосфере лучше было убраться из поместья поскорее.

Они шли по боковой тропе, стараясь не привлекать внимания. Людей в поместье было много, но былой оживлённости не чувствовалось. Встречные лишь бросали на Шаоцяня быстрые взгляды и спешили по своим делам — сплетничать сейчас было опасно.

Тропинка нырнула в густую тень деревьев. Внезапно до них донёсся приглушённый шум и чей-то злобный, звонкий голос.

— ...думал, всё будет... как раньше? — донеслись обрывки фраз. — ...калека! Еще и зубы скалишь? Думаешь, ты как этот дядюшка-калека... вылечишься?

Слова перемежались глухими ударами и свистом палок в воздухе. Чжун Цай замер. У Шаоцянь посмотрел на него:

— Пойдём взглянем?

Чжун Цай нахмурился:

— Они поминают тебя. Сопляки, а туда же — «калека», «мусор»! Никакого уважения. — Он увлѣк мужа к роще. — Если я не ошибаюсь, там измываются над твоим племянником. Всё-таки он ещё совсем ребёнок.

Шаоцянь мягко улыбнулся. Его А-Цай всегда был отходчивым и добрым. И это было прекрасно.

У Дунсяо сжался в комок, закрывая голову руками. Не прошло и месяца с его падения, а жизнь перевернулась с ног на голову. Еще вчера все родственники и друзья поздравляли его с прорывом, а сверстники наперебой заискивали перед ним. Но стоило признать его бесполезным, как маски были сброшены.

Дед и бабушка больше не желали его видеть, вернув родителям. Те тоже не спешили проявлять ласку: заперли в каморке, приставив лишь грубую служанку. Исчезли все те, кто толпился рядом, восхищался им, играл и тренировался. Дунсяо пролежал на кровати несколько дней, пока голод не заставил его принять реальность. Еда на столе была скудной и грубой, но он съел её, чтобы выжить. Потом он решил выйти подышать воздухом.

И именно тогда его выследили двое племянников.

Старший, У Наньфан, и младший, У Наньцун. Оба — законные сыновья его старшего брата. Наньфан был на несколько лет старше него, а Наньцун — ровесником. Раньше они обожали играть с ним. Младший и вовсе лип к нему, постоянно называя «маленьким дядюшкой». Дунсяо, хоть и был мал годами, обладал врожденной мудростью и вел себя как подобает старшему. Несмотря на обилие льстецов, он всегда выделял именно этих двоих.

Когда они преградили ему путь, мальчик наивно полагал, что они не такие, как остальные. И он оказался прав — они были хуже. Если другие просто перестали замечать его или отпускали колкости, то эти двое хотели его смерти.

Не раз и не два Наньфан и Наньцун под прикрытием своих стражей пробирались к нему в покои по ночам. Они запирали двери и избивали его палками, осыпая проклятиями. Только из их криков Дунсяо узнал, что вся их былая дружба была притворством. Он думал, что близок с братом и племянниками, но на деле старший брат считал, что достоин всех ресурсов семьи и любви родителей. Но Дунсяо с его талантом отобрал всё внимание деда и бабки.

Само существование Дунсяо било по интересам брата! Племянники возненавидели его в тот самый день, когда пробудилась его Алебарда Чёрного Цзяо. Они льстили ему лишь ради подарков. В их сердцах не было ни капли родства — только жгучая обида.

Теперь он стал бесполезен. Сиди он в своей комнате и гни заживо, Наньфан и Наньцун, возможно, не тронули бы его. Но он посмел выйти! Одного взгляда на него было достаточно, чтобы пробудить в них ярость. Именно от Наньфана Дунсяо узнал правду: его отравил не враг, а У Шаоань, который втирался в доверие лишь ради того, чтобы уничтожить его!

В тот миг мир мальчика рухнул. Рядом не было ни одной живой души, которой он мог бы доверять. Все, кого он считал близкими, либо использовали его, либо желали зла. Дунсяо думал, что Шаоань просто отвернулся от него, как остальные — и он был готов это принять. Но осознать, что всё его горе — дело рук того, кого он считал другом... это было невыносимо.

Поначалу Наньфан и Наньцун просто били и высмеивали его. Для Дунсяо это было унижительно, но его тело, закалённое тренировками, почти не страдало. Однако безнаказанность развязала им руки. Наньцун еще не пробудил свою Тайную Сокровищницу и бил его обычными палками. Но Наньфан уже призвал свой Железный кнут шестого ранга!

Дунсяо некуда было бежать. Удары кнута с легкостью разрывали его кожу. Он кричал, звал на помощь, но никто не приходил. Под залихватский хохот братьев он понял: родителям плевать, жив он или нет. Он больше не был активом клана. А их отец теперь — единственная надежда семьи.

Мальчик пытался спрятаться в лесу, надеясь избежать новой встречи с мучителями. Но у него не было охраны — после того как его лишили сил, от него забрали всех стражей. У Наньфана же были личные воины, которые легко выслеживали его по запаху. Дунсяо боролся как мог, но его ловили снова и снова. И всё же сдаться он не мог...

Чжун Цай и У Шаоцян вышли на поляну. Под густой сенью деревьев двое рослых воинов перекрыли все пути к отступлению. В центре двое мальчишек с искаженными злобой лицами избивали скорчившуюся на земле фигурку. Маленький мальчик закрывал голову руками, а его пинали, как тряпичную куклу.

Чжун Цай мгновенно оценил обстановку. Мальчик на земле был в лохмотьях, его кожа покрыта рубцами от плети, а лицо залито потом. Несмотря на боль, он прикрывал живот и грудь, стараясь смягчить удары. Было ясно, что у него сломано несколько рёбер. Но дух его не был сломлен: даже сквозь гримасу боли в глазах горел огонь непокорности. Он извивался, подставляя под удары плети менее опасные места.

— Сян Линь, останови их, — приказал Чжун Цай.

Черная тень промелькнула над поляной. Сян Линь в мгновение ока оказался рядом с мальчишками, вырвал у них оружие и, подхватив обоих за шиворот, отшвырнул в сторону. Стражи дернулись было к нему, но внезапно замерли, не в силах пошевелиться.

Шаоцянь не дал бы сорваться приказу мужа. Он едва заметно улыбнулся, и аура Сферы Освящения тяжким грузом легла на плечи воинов, пригвоздив их к месту. Цай одобрительно хлопнул его по плечу.

Мальчишки, кувыркнувшись по земле, вскочили, готовые к новой вспышке ярости, но, увидев У Шаоцяня и осознав его силу, мигом притихли. Отряхнув одежду от грязи, они замерли как вкопанные.

У Дунсяо, привыкший к бесконечной боли, внезапно осознал, что удары прекратились. Он недоуменно поднял взгляд — Наньфана и Наньцуна перед ним больше не было. Мальчик медленно огляделся. Рослый мужчина в тёмных одеждах отшвырнул кнут и палки в кусты. Племянники жались к деревьям на другом конце поляны, а их стражи застыли каменными статуями.

А неподалеку стояли двое. Один — ослепительно красивый, другой — с живым, лукавым взглядом.

У Дунсяо с трудом приподнялся:

— Маленький... дядюшка. Мастер Чжун.

Он через силу склонил голову в знак благодарности. Мальчик помнил Шаоцяня: он родился, когда тот был на пике славы. Родители водили его на поклон к дяде, и он навсегда запомнил тот свет, что исходил от него.

— Сян Линь, отнеси его домой, — распорядился Чжун Цай.

Мальчик увидел, как мужчина, спасший его, присел рядом и осторожно взял его на руки. Дунсяо был весь в ранах, его кости ныли, но он понял, что мастер Чжун не желает ему зла, и

не стал сопротивляться. Он знал: Сян Линь — верный страж его дяди.

Когда они поравнялись с У Шаоцянем, Цай что-то передал Сян Линю, и тот вложил это в рот мальчика. Дунсяо вздрогнул, инстинктивно пытаясь выплюнуть... но в следующий миг по его телу разлилось мягкое тепло, унимая боль. Он узнал этот вкус — Пилюля Ста Трав. Следом за ней последовало еще несколько снадобий, заживляющих внутренние повреждения и сращивающих кости.

Дунсяо был осторожен во время побоев, поэтому переломы были закрытыми. Под действием целебной силы тепло окутало его сознание, и мальчик, впервые за долгое время почувствовав себя в безопасности, погрузился в глубокий сон.

Чжун Цай никогда не видел столь злобных детей. Не знай он, что Дунсяо почти всё время проводил под присмотром деда, решил бы, что тот нанёс им смертельную обиду. Но в их ругани не было ни слова о прошлой вражде — лишь чистая, концентрированная зависть. Цай просто не находил слов. Это было за гранью его понимания.

Шаоцянь тоже почти не знал этих мальчишек, помнил лишь, что они — внуки его старшего брата. Чжун Цай, вспомнив всё, что слышал о семье У Шаошаня, не удержался от комментария:

— Шаоцянь, что не так с твоим старшим братом? Как он воспитывает своих детей? Такое чувство, что у него в роду одни моральные уроды.

— Мы не слишком близки, — с долей горечи ответил Шаоцянь.

В прошлом он почти не общался с Шаошанем и не вникал в его домашние дела. Цай вздохнул и велел Сян Линю дать мальчику ещё пару пилюль. Раны Дунсяо затягивались на глазах, рубцы исчезали. Но он был пугающе худым — ни следа былой детской полноты. Его явно морили голодом.

— Пойдём, вернём его родителям, — вздохнул Чжун Цай. — Хотя в этом гадюшнике ему всё равно жизни не дадут.

Муж едва заметно улыбнулся:

— Я переговорю с братом.

— Надеюсь, в нём проснется хоть капля отцовских чувств.

Цай сомневался, что Шаошань внезапно станет хорошим отцом, иначе Дунсяо не довели бы до такого состояния. Но он надеялся, что после слов Шаоцяня мальчику хотя бы позволят просто выжить.

Вскоре они достигли покоев У Шаошаня. Слуга, открывший ворота, сначала мазнул по ним пренебрежительным взглядом, но, вспомнив, что Шаоцянь восстановил силы, тут же расплылся в подобострастной улыбке.

— Молодой господин Шаоцянь, мастер Чжун! Какими судьбами?

Чжун Цай кивнул на Сян Линя:

— Этот малец ведь ваш? Мы его нашли и привели обратно.

— Давно не видел брата, — спокойно добавил Шаоцянь. — Раз уж мы проходили мимо, решили заглянуть.

Слуга засуетился:

— Сию минуту доложу! Прошу вас, обождите.

Вскоре он вернулся и провел их во второй двор, где их встретил другой слуга и проводил уже во внутренние покои. Цай лишь хмыкнул, чувствуя всю эту напускную важность. Шаоцянь слегка сжал его руку, призывая к терпению.

В покоях их ждал У Шаошань. Ему было уже пятьдесят, но выглядел он на тридцать — такова была сила Сферы Открытия Дворца.

— Шаоцянь, Чжун Цай, проходите, присаживайтесь, — радушно встретил он их.

Его жена, Ли Жу-эр — красавица с талантом высшего таинственного ранга и силой третьей ступени Сферы Открытия Дворца — расставляла на каменном столе чаши с чаем. На её лице сияла такая же дежурная улыбка.

— Прошу вас, угощайтесь.

Чжун Цай едва сдержался, чтобы не скривиться. Сян Линь стоял рядом с их избитым сыном на руках, слуга наверняка доложил о случившемся, но эти двое даже не взглянули в сторону ребёнка.

Шаоцянь кивнул Сян Линю. Тот шагнул вперед, намереваясь передать Дунсяо отцу. Шаошань лишь мельком глянул на сына и подозвал слугу:

— Отнеси его в комнату.

Слуга подхватил мальчика и скрылся во втором дворе. Цай проводил их взглядом, полным немого вопроса.

— Благодарим за гостеприимство, брат, невестка, но нам пора, — ровным голосом произнес Шаоцянь. — Случайная встреча с Дунсяо и нашими внучатыми племянниками была... познавательной. Жаль только, что младшее поколение совсем не чтит старших. Брат, тебе стоит быть строже со своими внуками.

Сказано это было вежливо, но смысл был предельно ясен. Шаошань лишь небрежно отмахнулся:

— Дети просто расшалились, бывает.

Ли Жу-эр мягко улыбнулась:

— Наньфан и Наньцун — мальчики живые, они так любят Дунсяо, что в игре иногда забывают о границах. Я поговорю с ними, они послушные дети.

Чжун Цай промолчал. У Шаоцянь поклонился, прощаясь, и увёл мужа за собой. Сян Линь бесшумно последовал за ними.

На обратном пути Цай сердито проворчал:

— Твои родители меняют личины как перчатки, но брат с невесткой их явно переплюнули.

Шаоцянь успокаивающе коснулся его плеча и негромко бросил стражу:

— Проверь там всё сегодня ночью.

— Будет исполнено.